

Поль Вирильо и Жан-Луи Виоло

Побережье, последняя граница

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_39

Paul Virilio, Jean-Louis Violeau

Le littoral, la dernière frontière¹

14 декабря 2010 года в Городке архитектуры и культурного наследия² в рамках гран-при по урбанистике, учрежденного Министерством экологии, устойчивого развития, транспорта и жилья, Поль Вирильо был удостоен особого приза жюри за совокупность написанного о скорости городских изменений. В этом интервью он размышляет о будущем побережья: особенно Атлантики и ее пляжей. Черная вдохновение в военной оптике и ослепительном горизонте атлантических пляжей, открытых во время Освобождения, Поль Вирильо с 1980-х годов видит цель власти «не столько в завоевании или оккупации территорий, сколько в обобщении мира с помощью вездесущего и единовременного присутствия войск, чистого феномена скорости»³.

Конечный мир, конец географии. Как реорганизовать пространство, чтобы замедлить потоки? Сегодняшнее увлечение возведением стен свидетельствует об этой амбивалентности между все более и более виртуальной властью и грубыми физическими барьерами вроде баррикад и коридоров, способной как открывать, так и закрывать [пространство]. В Южной Африке, между Саудовской Аравией и Йеменом, в Бруннее, на границе между Пакистаном и Бангладеш в Индии, между Узбекистаном и Кыргызстаном, между Ботсваной и Зимбабве, и, конечно, вокруг испанских анклавов в Марокко, между Соединенными Штатами и Мексикой, вокруг израильских поселений на Западном берегу, между Газой и Египтом... Все национальные государства, богатые и бедные, в том числе те, что стремятся к миру без границ, демонстрируют страсть к возведению стен. Стен, которые, как известно, сделаны для того, чтобы однажды рухнуть.

Несмотря на их пугающую материальность и «домодерновую» брутальность, новые стены по большей части имеют театральный эффект и воплощают власть и эффективность, на которую на самом деле не способны. Страсть к стенам? Это было бы слишком просто. Страх глобализации, несомненно. И это во времена «глобальной деревни», подумайте только! Но не в деревне ли всегда правила изоляция и надзор? Не осталась ли она противоречивым пространством? Да и потом, вероятно, стена оказывается образом могущества, противопоставленного все более и более виртуальной и даже ликвидной власти, открывающей (локальное) истощение утопической энергии. Именно об этой форме истощения Поль Вирильо говорил 6 мая прошлого года в кафе

1 Перевод выполнен по изданию: *Virilio P. Le littoral, la dernière frontière: Entretien avec J.-L. Violeau // Eurozine. 2010. 15 décembre. (<https://www.eurozine.com/le-littoral-la-derniere-frontiere/> (date d'accès: 21.04.2025).*

2 Имеется в виду музей архитектуры (Cité de l'architecture et du patrimoine), расположенный в дворце Шайо в Париже. — Прим. пер.

3 *Virilio P. Esthétique de la disparition. Paris: Galilée, 1989. P. 52.*

Aquarium в порту Ля-Рошель на фоне затопленного двумя месяцами ранее города. Пророческий тон его размышлений, несомненно, оставляет в оцепенении. Это было 6 мая, едва ли вовремя, в четверг 6 мая 2010 года в 16 часов, то есть чуть меньше чем два часа спустя после первого *flash crack*, в результате которого капитал натолкнулся на стену времени: по выражению Вирильо, «стена Уолл-стрит стала стеной времени», а ведь прогнозирование — главный элемент функционирования капитализма⁴. Но как только мы попадаем в ускоренную реальность, регулировать становится невозможно...

Жан-Луи Виоло

Жан-Луи Виоло: Какую роль соседство с берегом и горизонтом сыграло в вашей мысли?

Поль Вирильо: Я однозначно чувствую себя человеком побережья [littoraliste]: я живу морем и близко к морю, хотя я не моряк. Когда я смотрю на море — я дома. Я человек потока, и всегда им был. Человек побережья — человек, который не может обойтись без «набережной». Моя мать бретонка. Семья моего отца похоронена в Генуе на кладбище у моря. Я вырос в Нанте во времена оккупации, когда бомбили порты Сан-Назер, Руайан и Ля-Рошель; сразу после Освобождения мы с кузеном запрыгнули в поезд и отправились в ЛаБоль, где я открыл для себя берег, который был под запретом всю войну.

При первом знакомстве с морским горизонтом ребенок проживает необычайный момент, конец света, «конец земли». Это такая же свобода, как и негативный горизонт без конца, горизонт, где нет ничего кроме динамики жидкости. В это же время я открыл для себя бункеры, эти загадочные постройки, эдакие храмы, навеки заброшенные в ожидании некоего *события*, которому суждено было произойти в другом месте. Тогда я и осознал важность морской бесконечности — точки, в которой сходятся три элемента биосферы: атмосфера, конец литосферы и начало гидросферы. Три предела, сама граница — короче говоря, исключительное место.

Ж.-Л. В.: В какой степени урбанизация побережья сегодня бросает вызов нашей цивилизации?

П. В.: На сегодняшний день побережье, ставшее ключевым элементом заселения нашей планеты, заставляет поднять ряд серьезных вопросов: две трети городского населения, в сущности, проживают на расстоянии меньше ста километров от морских порогов. Мне кажется, что побережье стало нашим последним рубежом, нашей окончательной границей. И этот термин надо понимать буквально: побережье — это место, где хочет оказаться каждый, куда каждый стремится добраться. Искусственные политические границы отныне полностью преодолены — в первую очередь *глобализацией*, которая для меня подразумевает примат реального времени, непосредственности, безотлагательности и вездесущности в реальном пространстве, а следовательно, и на расстоянии.

4 Virilio P. “On a embouti le mur du temps”, propos recueillis par Laure Noualhat // Libération. 2010. 25 mai.

Ж.-Л. В.: Конец географии?

П. В.: Именно конец географии, который ни в коем случае не следует отождествлять с концом истории. Напротив! Мы живем в глобализации прямо сейчас. Это не значит, что мы живем в инерции *места*, но в инерции связей, сегодня ставших мгновенными. Поэтому моя последняя книга называется «Футуризм момента»⁵ и поэтому побережье оказывается нашей последней границей и сохраняет свою притягательность. Теперь это не просто курорт. Момент романтического контакта с морем сегодня преодолен, и теперь мы частично открыли изначальную логику моделей расселения: свайные жилища с хитроумной архитектурой, рожденной в контакте с водой. Подумайте о сваях и колоннах... Все уже обжились среди озер, рек и крупных дельт, и сегодня история склоняется к последнему, океаническому берегу, к краю света.

Ж.-Л. В.: Это религиозное чувство?

П. В.: Скорее, космическое: как только мы заводим разговор о вселенной, мы затрагиваем божественное. Мы находимся на краю мира, в высшей степени антропологическом месте, где будут разворачиваться дальнейшие события. Хотя историк Фернан Бродель посвятил этому вопросу целую книгу — «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II», сегодня природа притягательности побережья усложнилась из-за последних достижений в области биотехнологий и использования потенциальных ресурсов континентального шельфа⁶. В последнее время там наблюдается множество проявлений суверенитета, выходящих далеко за рамки нефтяного вопроса. Речь идет о «стычке» динамики и механики на самой береговой линии: гидродинамика скоро возьмет верх над механикой грунта.

Природа вопросов, связанных с гидрологией и метеорологией, отлична от природы вопросов о статике и сопротивлении материалов. От твердых тел мы переходим к жидким и газообразным состояниям.

Замедлить потоки

Ж.-Л. В.: На протяжении многих лет вы работали вместе с самыми знаменитыми архитекторами: я думаю о Жане Нувеле, с которым вы были близки с самого начала его деятельности в агентстве «Architecture principe», созданного вместе с Клодом Параном. Учитывая, что именно вы сформировали их в Специальной школе архитектуры, замечали ли вы особый интерес к этим вопросам с их стороны?

П. В.: Сейчас архитектура находится в плохом состоянии, как, впрочем, и все современное искусство. Странно видеть, например, как по всему миру появляется все больше и больше башен, будто будущее за воздушными потоками! Когда мы с Клодом Параном больше сорока лет назад работали над «криволинейным зодчеством», мы как раз пытались поднять почву, сыграть на двойственности синклинального и антиклинального, добиваясь непрерывности

5 Virilio P. Le Futurisme de l'instant. Stop-eject. Paris: Galilée, 2009.

6 Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. Paris: Armand Colin, 1949. В рус. пер.: Бродель Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М.: Языки славянской культуры, 2002.

почвы на возвышении. А неуемное умножение башен, напротив, кажется мне слишком наивным и простым ответом.

Ж.-Л. В.: Вы уже ставили вопрос потоков, предлагая что-то вроде «обитаемого движения»...

П. В.: Именно, и проблемой как раз было обитаемое движение, а не обитаемая парковка. Ведь почему люди так стремятся к морю? Потому что это единственное место, пригодное для массовой перевозки людей. Я верю в революцию грузовых перевозок, в которой контейнеровоз оказывается главной фигурой. Море делает возможными любые взаимосвязи, поэтому некоторые аэропорты сегодня вполне закономерно дошли до того, чтобы расположиться и развиваться на море, как в Ницце или японском аэропорте Кансай, построенном на польдерах. Проблема мобильности решается в точке, где происходит перегрузка: иначе говоря, на мультимодальной платформе, объединяющей море, воздух и сушу. Это место реализации проекта современных архитекторов, именно здесь разместится будущий центр города. Сейчас все города — Нант, Бордо, Марсель, Нанси, Ренн, Ле-Ман — перемещают вокзалы к сети скоростных поездов [TGV], чтобы создать новый центр. Перевозка грузов доминирует в современных урбанистических стратегиях. Это делает очевидной значимость места, которое в ней занимают «края света», объединяющие все три транспортных потенциала.

Ж.-Л. В.: Кажется, вы до сих пор заворожены технологическими революциями, хотя в своих текстах регулярно задаетесь вопросом о том, как от них отвлечься. Не порвать окончательно, а отвлечься...

П. В.: Для нас речь, скорее, идет о том, чтобы оказать этой динамике сопротивление, противостоять ей... И здесь я возвращаюсь к Янкелевичу: нашей проблемой является ритмология. Владимир Янкелевич в первую очередь был музыковедом, а также философом устного жанра. В том, что касается *tempo* и *момента*, его мысль вписана в традицию Башляра. Его подход к философии был музыкальным, музыкальным в смысле *oratorio* и диалога. Ходить на семинары Раймона Аrona было все равно что ходить на спектакль. А семинары Фуко! Они были величественнее оперы. Вопрос, заданный ему в конце семинара, ощущался как провал. Стоило ограничиться аплодисментами. Я бы никогда не начал преподавать, если бы не Янке, который никогда не пытался подавлять. Он приходил с тремя-четырьмя тезисами и сразу же развивал аргументацию. Это были времена “Le Je-ne-sais-quoi et le Presque-rien” и “La Mort”⁷. И вот так он принимался развивать свои четыре тезиса хоралом. Полтора часа спустя его речь обыкновенно завершалась какой-нибудь смиренной фразой вроде: «Вот, я сделал, что мог, в следующий раз постараюсь лучше!» Нечего и говорить, что его семинар был исключительным! Очень далеким от философской надменности, свойственной в том числе лучшим. Какой-нибудь Раймон Арон никогда не сказал бы ничего подобного, как и Пьер Бурдье, хоть я и вспоминаю его с теплотой. Янке был воплощением ритма идержанности. Первое философское кафе, которое он открыл, кажется, в Бордо, было таким же. Янке удалось выехать в «свободную» зону. Не Марк Соте и не Мишель Онфре при-

7 Jankelevitch V. *Le Je-ne-sais-quoi et le Presque-rien*. Paris: PUF, 1957; Jankelevitch V. *La mort*. Paris: Flammarion, 1977. — Прим. пер.

думали философское кафе, а Владимир Янкелевич, желавший продолжать преподавание, но кроме кафе делать это в тот момент было негде.

Ж.-Л. В.: Можно ли сказать, что ваш философский проект со временем «Скорости и политики»⁸ в 1977-м ведет к общему исследованию ритмов, политической экономии ритмов и дифференцированных скоростей? На этой волне вы даже сошлись с марксистским социологом Анри Лефевром, в последние годы работавшим над крупным проектом *ритманализма*...

П. В.: Я помню, мы встретились в самом начале 1980-х у Жана Реноди, архитектора из Иври, работавшего в том числе для жены Тореза, Жанетты Вермерш. Но проблема никуда не делась: наши общества окончательно лишились ритма. Это серийный экосистемный кризис, из-за которого метеополитика и управление временем стали неотложными. В противном случае нас ждет монументальность и глобализация, сообщество аффектов и синхронизация эмоций: вот самый большой страх!

Ж.-Л. В.: Лефевр в своем проекте пытался примирить повседневность и космос...

П. В.: Именно на этой почве мы и сошлись. Напомню, что я родился в семье отца-коммуниста и матери-католички и уже во взрослом возрасте обратился в христианство благодаря одному рабочему священнику. Я дитя Второго Ватиканского собора — момента примирения между мессианством, Евангелием и временем. Лефевр был непоколебимым марксистом, а я нет: я скорее анархохристианин, но нам, тем не менее, удалось найти общее поле.

Карнавал, как и все религиозные праздники, задает годичный ритм. А сегодня либеральные капиталисты готовы дойти до того, чтобы отменить воскресенье! Они с ума сошли! Хотя нет, они просто лишены ритма. Неслучайно именно музыка стала главным видом искусства для вашего поколения. Та самая музыка, которой пропитано все современное искусство от джаза до поп-музыки, рока и электроники, начиная с абстрактного искусства. И что такое *рейв*, если не симптом? Ритмология — в первую очередь социальный феномен.

Опыт катастрофы

Ж.-Л. В.: Как вы пережили затопление прибрежных городов из-за циклона Ксинтия, бушевавшего в ночь с 27 на 28 февраля 2010 года?

П. В.: Прежде всего у меня возникло ощущение, что я живу в том, о чем пишу. В крупной катастрофе, которая меня настигла. Мы стояли лицом к ветру на шестом этаже рядом с железнодорожной станцией. Обычно ветер дует параллельно фасаду, но в ту ночь он был встречным. Утром я отправился в Лё-Габю и увидел понтоны, установленные на набережных, увидел всех друзей, потерявших свои лодки, затопленные машины... Как дитя войны, я был наиболее близок к людям улицы. Если солдаты — братья по оружию, мы были братьями по ветру и штурму.

Черчиль как-то сказал, что оптимист в каждой трудности видит возможности. За глобализацией есть цивилизация. Пережитый там трагический момент не сводится к вопросу о том, какие дома подлежат восстановлению. Нельзя останавливаться на сносе или сохранении домов, нужно подумать о том,

8 Virilio P. Vitesse et politique. Essai de dromologie. Paris: Galilée, 1977.

что мы собираемся с ними делать. Мы имеем дело с метеополитическим вызовом. После сноса и определения черных зон нужно понять, что делать дальше. Ля-Рошель и его окрестности становятся гипотетической возможностью, и нам надо расширить фокус, сделать проблему национальной, а не локальной. Например, посмотреть, как с этим справились голландцы, как они приспособились к последней границе, долгие годы внедряя инновации.

Городской кластер умещается между Рошфором и Ля-Рошлем, но атлантическую дугу надо брать в целом: метрополия простирается от Нанта до Бордо. Проблема побережья должна решаться на более высоком уровне, не только на местном. Нужно разработать политику «последней границы». Когда мы говорим о морских магистралях и революции в грузовом судоходстве, надо четко понимать, о чем идет речь.

Кроме того, эти вопросы теперь нужно поставить в масштабе всего мира, а не одной нефтяной вышки, обрушившейся в Мексиканском заливе. Речь идет уже не просто о проблеме миграций. Это вопрос совокупности кочевнического и оседлого [образа жизни] — то есть тех, кто нигде не чувствует себя дома, и тех, чей дом повсюду. Это последняя граница, и она не внутригосударственная, а внутрикосмическая. Именно на этом уровне трудность вопроса становится очевидной. Государственные границы, границы конфронтаций, приведшие нас к такому количеству войн, сегодня стали горизонтальными: на смену синей линии Вогезов пришла синяя линия морей. Нужно переизобрести геополитику с учетом того, что власть определяется наличием у нее *места*. Правительство вроде нашего, отрицающее свою связь с geopolитикой в пользу виртуальности денежных потоков, — фатально, завершено и, исчезнув, может только погрузить все в хаос. Нужно переопределить [связь] глобализации и территории. Только такой ценой проблема «последней границы» способна стать центральной. Вездесущность, потоки, тяжелый транспорт, морская культура, экология, отношение ко времени и *тэмпу* — все это заставляет по-новому взглянуть на проблему геополитики и континуума. И этот континуум обретает форму здесь, на этой береговой линии.

Ж.-Л. В.: В «Родной земле» [Terre Natale] (2009) вы пишете: «С некоторых пор внешнее побеждает внутреннее, геофизическая история меняется на глазах». Как повернуть эти изменения вспять?

П. В.: Вызов идет от глобализации, которая заставляет нас принять всю полноту мира, отныне переполненного и завершенного из-за его быстроты и ускорения. Нам нужно по-новому понять его внешние проявления. Успешность глобализации будет зависеть от того, удастся ли нам восстановить понимание внешней среды, которая сегодня не сулит никакой пользы и только доставляет неудобства всем нам, за исключением наиболее богатых. Нам нужно отказаться от антропостатики в пользу антроподинамики. Грядет мутация города, когда он выйдет за собственные пределы и окажется внутри движения, которое мы должны сделать обитаемым. И мы в самом начале пути.

Ж.-Л. В.: Как вы определяете свое отношение к откровению?

П. В.: Откровение фундаментально, я всегда предпочитал данное в откровении преодоленное⁹. Эпоха революций на сегодняшний день завершена. По

9 В оригинале: *révélé* (открытое, данное в откровении) и *révolu* (преодоленное, пройденное). — Прим. пер.

этому поводу стоит перечитать Эрика Хобсбаума¹⁰. Преодоление преодоленного встраивается в антропостатическую историю, сопряженную с инерцией места. Однако мы входим в период инерции связей: в этом и состоит единственное откровение. Проживать момент — откровение в строгом смысле слова. Возвещая инерцию инерционного момента, которая придет на смену оседлости инерции места, я рассматриваю себя как приверженца откровения [révélationnaire]. Речь идет о еще одной исторической трансформации в том же смысле, в каком оседлость и переход к сельскому хозяйству когда-то изменили историю впервые. Теперь нам предстоит перейти от инерции места к инерции связей, *лайва*, телекоммуникаций... И поскольку мы все еще где-то живем, мы продолжаем проживать, несмотря на загрязнение дистанций: так что речь идет скорее о событии откровения, чем о революции. Но мы живем в великую эпоху, я совсем не пессимист. Меня часто пытаются представить таковым, видимо, чтобы встать у меня на пути. Я не предвещаю беды и пребываю в большом воодушевлении по поводу грядущего.

Интервью записано Жаном-Луи Виоло на встрече в Ля-Рошеле, в кафе “Aquarium”, 6 мая 2010 года.

Перевод с французского Марии Стениной

10 Hobsbawm E. *l'Âge des extrêmes. Histoire du court XXe siècle (1914–1991)*. Bruxelles: André Versailles, 2008. В рус. пер.: Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий XX век (1914–1991). М.: Изд-во Независимая Газета, 2004.